

Фомагин Матвей Григорьевич

Воспоминания:

«...Я рос большой семье. У отца Григория Ивановича и матери Екатерина Александровна было семеро детей. Старших братьев в первый военные месяцы мобилизовали. Михаил погиб в 1942-м году под Великими Луками. Пётр был фронтовым шофёром, защищал Москву, участвовал в Сталинградской битве. Победный май встретил Берлине. Для меня всегда был примером брат Иван, которого перед войной призвали на флот. Он служил на подводной лодке на северном флоте старшиной 1-й статьи, участвовал в Параде победы.

После семи лет я мечтал поступить в мореходное училище. Готовился к этому, особенно налегал на физ подготовку. Летом плавал, а зимой бегал на лыжах. Закалка пригодилось в жизни, но на фронт не попал.

Осенью 1941 г. меня и моих сверстников направили на строительство оборонительных рубежей на реки Свияге. Зимой 41-го и весной 42-го мы участвовали в возведение долговременных сооружений, рыли противотанковые рвы. Киркой долбили мерзлую землю. К лету, когда стало понятно, что враг так глубоко не прорвется, нас отпустили домой.

В ноябре мне исполнилось 17 лет. Через несколько дней получил повестку из военкомата. Осень и зиму 1941-1943 годов провел в учебной бригаде в Арзамасе. Напряжение первых месяцев войны спало, и командование уже не бросало в бой необученных солдат. Подготовка была серьезной. Полученные знания и навыки нам впоследствии пригодились.

Весной 1943 г. нас зачислили в маршевые роты и направили на фронт. Попали в 62-ю армию, которую вскоре переименовали в 8-ю гвардейскую. Бойцы 62-е участвовали в Сталинградской битве и для нас, молодых пехотинцев, были непререкаемыми авторитетами и в службе, и в быту.

Когда мы прибыли в подразделение, к нам подошли «старики» и поинтересовались, с какого мы года.

-С двадцать пятого...

-Батюшки1- воскликнул один солдат. –У меня сын ваш ровесник...

Сели в стороне, закурили, посматривали на нас, качали головами, но и оберегали всеми силами, не раз спасали от гибели.

Началась битва на Курской дуге. Молодого пополнения дивизии в нем не участвовало. Мы заняли 3-ю линию обороны, построили оборонительные сооружения.

Немцы, начав наступление, не смогли одолеть 1-ю 2-ю линию обороны. Вскоре наши войска начали контрнаступление. Я в боях не участвовал, но понимал, как тяжело приходится бойцам, которые громят врага. Несколько недель всё небо полыхало огнём, ни на минуту не прекращалась канонада. Несмотря на заверения «стариков», которые прошли через оборонительные бои 1941-1942 годов и разгром немцев под Сталинградом, что все будет нормально, мы, новобранцы, ужасно боялись, у всех тряслись поджилки. В этот раз для нас обошлось...

С передовой начали возвращаться бойцы нашей седьмой Гвардейской парашютно - десантной дивизии. Вместо дивизии - полк, вместо полка – рота. Взводов вообще уже не было. Потери были огромные.

После переформирования и пополнения нашего подразделения направили на Украину. Боевое крещение я получил под Ахтыркой Сумской области, где немцы пытались остановить наше продвижение к Днепру.

К октябрю 1943 г. советские войска вышли на левый берег Днепра. Началась подготовка переправы. Моё подразделение действовала на Кировоградском направлении. Наш берег был крутой, а правый - пологий, песчаный. Впрочем, через несколько сот метров начиналась возвышенность. Здесь стоял хутор. Мы видели белые хаты, сады. Но знали, что немцы там установили орудия, создали мощную оборону.

Днепр форсировали на плотках. Потери были минимальные: противник как-то неохотно обстреливал наш водный десант.

Ситуация изменилась после того, как мы добрались до правого берега. Хотели сходу взять хутор, но ночью начался обстрел. Шквальным огнём из

орудий, миномётов, крупнокалиберных пулемётов нас заставили окопаться. Почва-песок. Роешь окоп, а через минуту он осыпается. Не удалось даже слегка зарыться. Все бойцы были на виду у немцев, которые хорошо пристреливались к нашей позиции и били без промаха. Трое суток мы пролежали под горкой. Днём голову не могли поднять - сразу же открывался огонь. Гитлеровцы даже устроили своеобразную охоту на нас.

Я был первым номером пехотного пулемета Дегтярёва. Вторым номером – казах. С ним мы потом после войны переписывались. Лежим. грызем сухари, ждём ночи, когда можно сбегать на кухню. Вечером приполз связной от командира роты. Передал: утром немцы попытаются бросить нас в Днепр. Мы были даже рады этому, устали трое суток лежать под обстрелом и ждать смерти.

Начали потихоньку чистить пулимет, который весь забился песком. Приятель решил под утро добраться до кухни: мол, поедем на последок.

Только уполз - и началось. Сначала миномётная «обработка». затем в ход пошли пулеметы. Пехота пока сидел в окопах. В центре разгорелся бой. У нас на фланге было тихо, если не считать бесконечные взрывы, не дававшие поднять голову. Зз моей позицией была установлена пушка. Били по ней. Недаром на фронте говорили, что ствол длинен - жизнь коротка.

Мины из стволов вылетают со свистом, а на излете звука будто мокрый тряпкой по полу бьют: шлеп, шлеп, шлеп...

Решил посмотреть, не пошла ли в бой немецкой пехота. Приподнялся, услышал лишь «шлеп» и - тишина. Оглянулся. Ничего не вижу и не слышу. В глазах оранжевые круги. Показалось, что лежу на берегу реки в родных Тетюшах, а яркое солнце бьёт в глаза. Страшно захотелось пить. Решил сползать к Волге, но ничего не получилось. Сколько мучился, не знаю. Вскоре стал понимать, что я на правом берегу Днепра и, видимо, ранен. Руки-ноги не двигаются, тело не ощущаю.

С ужасом подумал, что ранен в живот. Повидал я в госпиталях, как умирают от осколочных ранений в живот. С огромным трудом протянул

руку к животу, начал ощупывать. Чувствую, какая-то, железяка торчит. Всё, думаю, отжил. Боюсь руку оторвать. Опять потерял сознание. Вновь хотел ползти к Волге, к изумительным родникам Татарии.

Вернулась память, начал ощущать реальность. Осмотрел руку - крови нет. Позднее, уже в госпитале, узнал, что был сильно контужен. Рукой нащупал патрон, который был в кармане шинели.

В это время началось общее наступление наших войск. На плацдарм, которым мы удерживали несколько суток, были переброшены основные силы нашей дивизии. Меня подобрали бойцы из другой части и отправили в свой медсанбат, а затем - в тыловой госпиталь.

В родной роте посчитали убитым. Домой отправили похоронку: «...погиб в Кировоградской области, похоронен в братской могиле».

После госпиталя меня зачислили в другую часть уже 57-й армии третьего Украинского фронта. Здесь я и продолжал воевать. Участвовал в Яско-Кишиневской операции. Там, в Бессарабии, подорвался на mine. Вылечился. Освобождал Болгарию, где мы были тогда «братишками» и где каждый норовил угостить.

Осенью вошли в Югославию, затем в Венгрию. Бои были тяжелые. Уже потом я узнал, что в Балатонской операции с обеих сторон участвовали около миллиона человек. За успешные бои в районе города Секешфехервар меня наградили медалью «За отвагу».

Из Венгрии двинулись на Вену. Здесь я и нашел «свою» пулю. Обиднее всего то, что был ранен мальчишкой из гитлерюгенда.

2 апреля 1945-го года война для меня закончилась. Год лечился в госпитале в Ногинске Московской области. Затем наступила мирная жизнь.